

Музыка и судьба

Gennady BELOV A gift to a friend

Composer, Professor of the St. Petersburg Conservatory G. G. Belov talks about his cantata *The Olonets Stories*, based on Nikolai Klyuev's lyrics, dedicated to the Professor of the St. Petersburg Conservatory A. M. Mekhnetsov, an Honoured Art Worker of the Russian Federation, and presented to the latter by the author in 2006 as a gift for his 70th anniversary. The article contains recollections by G. G. Belov about conversation in person with A. A. Mekhnetsov, history of creation of cantata and analysis of it.

Keywords: G. G. Belov, N. A. Klyuev, A. M. Mekhnetsov, E. A. Valevskaya, A. A. Mekhnetsov, K. A. Mekhnetsova, cantata *The Olonets Stories*, The Folklore Center of the St. Petersburg Conservatory.

Геннадий БЕЛОВ Дар другу

Композитор, профессор Санкт-Петербургской консерватории Г. Г. Белов рассказывает о своей кантате «Олонецкие были» на стихи Николая Клюева, посвященной Заслуженному деятелю искусств Российской Федерации, профессору Санкт-Петербургской государственной консерватории А. М. Мехнецову и преподнесенной ему автором в 2006 году в качестве подарка к 70-летию юбилею. Статья включает в себя воспоминания Г. Г. Белова о личном общении с А. М. Мехнецовым, историю создания кантаты и ее анализ.

Ключевые слова: Г. Г. Белов, Н. А. Клюев, А. М. Мехнецов, Е. А. Валеvская, А. А. Мехнецов, К. А. Мехнецова, кантата «Олонецкие были», Фольклорно-этнографический центр Санкт-Петербургской консерватории.

Шел последний месяц зимы 2006 года, когда я узнал, что кафедра этномузыкологии стала готовиться к событию, которое должно было случиться в мае, — 70-летию своего заведующего, профессора, Заслуженного деятеля искусств России Анатолия Михайловича Мехнецова. Я всего на 3 года помладше Анатолия, но разве мог бы 27 мая, в день его рождения, лишь обнять и вручить букетик, не приготовив к этому дню чего-то более памятного, значительного? Ведь чуть ли не с начала 1960-х годов наши жизненные судьбы то скрещивались в общих делах, то шли параллельно.

Хотя в памяти несколько стерлись годы нашей молодости, но вполне возможно, что впервые для меня фамилия «Мехнецов» прозвучала на одном из экзаменов в Музыкальном училище имени Н. А. Римского-Корсакова. На нем я присутствовал в качестве члена

экзаменационной комиссии (тогда меня как аспиранта Д. Д. Шостаковича взяли в училище вести композицию и музыкально-теоретические предметы), а студент композиторского класса В. П. Чистякова должен был отчитаться за прошедшее полугодие. Жалко, но теперь уже не спросишь ни Владлена Павловича Чистякова, ни тогдашнего заведующего теоретическим отделом училища Бориса Михайловича Можжевелова, ни самого Анатолия: «Было такое?» В те годы училищный факультатив по композиции посещало немало учащихся, и комиссия обязана была отслушать не менее десятка авторов. Поэтому впечатление от не слишком заметных работ Мехнецова не «застряло» надолго. А в начале 1966–1967 учебного года я перешел работать в консерваторию.

И вот снова судьба сближает нас — теперь уже на ниве фольклора. Наталия Львовна Котикова (извест-

ный ленинградский собиратель фольклора) в конце 1960-х — 1970-е годы почти каждое лето, а порой и зимой призывала меня сопровождать ее в экспедиционных поездках по разным регионам России: от ленинградского пригорода Лахта (где мы дважды записывали изумительный вокальный «квартет» пожилых псковитянок — сестер Судаковых) до Алтайских гор (даже побывали и сделали записи в селе Сростки — родине Шукшина). В таких экспедициях рядом с Н. Л. Котиковой бывали разные музыканты: и В. Гаврилин, и Т. Воронина, и С. Слонимский, и Т. Знаменская, и Н. Рязанова (дочь выдающегося педагога-композитора П. Б. Рязанова)... Однажды в фольклорной поездке на Псковщину нас оказались пятеро: Н. Л. Котикова, Т. Знаменская, Н. Рязанова, А. Мехнецов и я.

В этой-то экспедиции я и сдружился с Анатолием. Никогда, думается, не выветрится из памяти драматический эпизод, случившийся, когда мы вдвоем шли пешком в какой-то дальний уголок произвести запланированную запись. Сыроватый летний день после дождя; дорога через поле с редкими кустами, изборожденная колесами телег. Идем, болтаем. Вдруг слышим и видим, как впереди с гиканьем несется телега с возницей, а рядом с ней бежит парень. Лошадь мчится, не разбирая дороги, и прямо на нас. Я отошел в сторонку, но Анатолий, как шел прямым, уверенным шагом, так и не дрогнул. В результате на него налетает парень, не удерживается на ногах, падает. Останавливается и телега, слезает возница, тоже молодой парень, оба они в подпитии и к нам с претензиями. Оказывается, мы помешали соревнованию: кто быстрее — лошадь или человек. Парни орут, распяляются, и вот уже один из них выхватывает из телеги косу и, размахивая этим острым оружием, готов поставить победную точку. Холодок пробежал по моей спине. Каким-то чудом (Анатолий пошел на хитрость, притворившись, что был знаком с одним из них) ссора сошла на мировую, и мы разошлись. С тех пор я считаю, что мой друг спас не только свою, но и мою жизнь.

Позднее я узнал, что Анатолий поступил на теоретико-композиторский факультет Ленинградской консерватории в класс композиции В. Н. Салманова, у которого и я пятью годами ранее окончил полный курс (как «патриота» салмановского класса такая информация меня грела). Однако на какое-то время я снова потерял из вида симпатичного юношу. Но вот в начале 1970-х годов среди студентов-заочников музыкального отделения в моем классном журнале практической полифонии возникает фамилия Мехнецов, а вскоре и сам Анатолий со своими работами. Конечно же, он успешно завершил курс полифонии.

Я, естественно, в те годы не знал о том, что мой друг поставил для себя великую и непреложную цель: сохранить в записях (магнитофонных, нотных и, позднее, видео) постепенно исчезающие образцы русского музыкального фольклора своего отечества. Я его не спрашивал об этом — он не откровенничал. Лишь однажды в электричке сосновского направления он с болью заго-

ворил о распадающейся семье, где у него остался первенец. Позже я узнавал о том, что он в одиночку объездил сибирские края, где записывал на портативный (по тому времени еще довольно тяжелый и громоздкий) магнитофон местный фольклор; что ему случалось в непогоду ночевать в открытой местности прямо на земле, укрывшись плащом. Таким другом уже тогда можно было бы гордиться. Еще позже я обнаружил напечатанными его научные статьи о результатах одиночных экспедиций, содержательные и написанные хорошим языком (а ведь раньше Анатолий мне казался несколько косноязычным, что и мне свойственно). Он, замечу кстати, овладел и отличной устной речью, и безупречным научным слогом. Это было ясно, когда он как заведующий кафедрой открывал фольклорные концерты содержательным вступительным словом, но иногда так увлекался импровизацией (особенно в беседах с абитуриентами), что остановить его могла лишь надежная помощница — доцент Галина Владимировна Лобкова. Скорее всего, благоприятным условием для рождения и развития в Мехнецове значительного ученого послужил его второй брак: он женился на выпускнице нашей консерватории, музыковедке Екатерине Александровне Валевской (мне кто-то говорил, что она родом из известной ленинградской семьи литераторов).

Далее до меня дошла весть, что Анатолий Михайлович защитил кандидатскую диссертацию. Как приятно узнавать о том, что твой друг становится все более заметной личностью!

Не без препон складывалась история создания в нашей консерватории кафедры отечественного музыкального фольклора (позже получившей название кафедры этномузыкологии). Мне казалось, например, что музыковеды-теоретики поддержат инициативу фольклористов. Но высказывались возражения, что фольклористика — профиль, не имеющий принципиальных отличий от других музыковедческих специализаций: скажем, полифонии, анализа, гармонии, сольфеджио. До сих пор даже среди видных теоретиков и практиков фольклора (главным образом — москвичей) такая точка зрения продолжает существовать. Мехнецов же провидел профессию фольклориста-этномузыколога не только как собирателя образцов народного творчества, который их изучает, описывает и научно классифицирует, но прежде всего как сознательного и неутомимого пропагандиста глубоких и мудрых в своей этической сути отечественных традиций замечательной народной культуры, выраженной в песнях, обрядах, инструментальных наигрышах, плясках и других музыкальных формах бытования. Без этих традиций проблематичным становится будущее самобытной русской музыки, в том числе и профессиональной, обращенной не только к своему народу, но и людям всей земли. Поэтому, кстати, среди абитуриентов, желающих стать этномузыкологами, нами (приемной комиссией, в которую меня неизменно приглашают) отбираются не только исполнители нескольких народных песен (преимущественно своего региона),

А. М. Мехнецов на маршруте (в лодке). Томская область, лето 1968 года

А. М. Мехнецов с народными исполнителями. Томская область, Первомайский район, село Успенка. 14 мая 1967 года

но и одаренные артистическими данными музыканты, обладающие ярким голосом, отличной музыкальной памятью, способностью вдумчиво вникать в проблематику фольклора.

Помимо изучения специальных дисциплин, связанных с теорией фольклора, постижения общих курсов теории музыки (гармонии, полифонии, анализа) и русской и зарубежной истории музыки, будущие этномузыкологи, кроме обязательной экспедиционной работы (раз, а то и два в году), начиная со второго курса, демонстрируют свое искусство аутентично исполнять народные песни, обряды и хореографические элементы на публике. Созданный Мехнецовым студенческий ансамбль народной музыки неоднократно бывал за границей, записал свыше двух десятков грампластинок и CD (в моей коллекции их немало). Хотя исполнительский состав ансамбля год от году меняется, но качество выступлений всегда остается неизменно высоким, да и тематика и репертуар постоянно освежаются. Я очень люблю бывать на разнообразных по жанру концертах нашего фольклорного ансамбля. И сколько теперь по всей России появилось народно-песенных студенческих ансамблей, подобных мехнецовскому! Возникло даже русское молодежное фольклорное движение. Очень хочется верить: будет жить исконно русская народная песня!

Огромной заслугой Мехнецова я считаю публикацию под его редакцией многочисленных (толстых и тонких) сборников музыкального фольклора (я их тоже по возможности собирал в свою коллекцию). Как руководитель большого отряда ленинградских-петербургских фольклористов (педагогов, аспирантов и студентов консерватории) он настойчиво и кропотливо добивался полноты и научно-академической достоверности всех публикаций, художественной безупречности материала, его исключительно грамотного оформления.

Нужно ли жалеть, что Анатолий Михайлович не стал композитором? Несомненно, он очень талантливый че-

ловек, талантливый музыкант, талантливый организатор. Ведь создать такой мощный Всероссийский центр русского фольклора, с такой базой, с таким помещением (как поначалу — в двухэтажном флигеле на Почтамтской улице) — это же какой недюжинной волей и энергией должно обладать! А как хорошо флигель был отремонтирован и затем отмыт трудом юных студенток-фольклористок, уютно обставлен и заботливо оберегаем этим преимущественно женским коллективом. Сколько я там провел дивных минут и часов, встречаясь с друзьями-фольклористами то по деловым поводам, то в торжественные дни значительных событий в жизни этого славного сообщества. А то обстоятельство, что коллеги избрали Анатолия Михайловича первым Президентом Общероссийской общественной организации «Российский фольклорный союз», — разве не свидетельствует о доверии, авторитете, о надежности личности, которой было поручено важнейшее для русской музыкальной культуры дело? Взвесив все составляющие дарований своего друга, я убежден, что Анатолий выбрал для себя исключительно верный жизненный путь и добился в своей деятельности значительных и ярких достижений.

Без исключительной работоспособности, которую проявлял Анатолий каждодневно, постоянного (жестко спланированного) труда вряд ли он достиг бы таких результатов в своей научно-педагогической и общественной деятельности. Бывало, идешь в фольклорный центр (на Почтамтской) или возвращаешься из него, всегда можно было видеть с улицы в лестничном окошке фигуру седовласого профессора, склонившегося над своей рукописью (на его излюбленном месте: между этажами за журнальным столиком). Требователен он был не только к себе, но и к своим воспитанницам (замечу, что очень редки были случаи поступления на фольклористику юношей-студентов). Поначалу Мехнецов бывал, как мне казалось, даже излишне грозен, прямолинеен и категоричен (уж не сказала ли здесь, как выяснит-

Дар другу

ся далее, отцовская «большевицкая» наследственность?): студенткам запрещалось носить, по возникшей тогда моде, брюки, а чтобы сигаретки, так ни-ни (но и я тоже — решительно против курения!). Помню, как-то в экспедиции (во время летних каникул) даже возник студенческий бунт со слезами, когда одной ее участнице потребовалось по семейным обстоятельствам сократить дней на пять свой срок пребывания и подруги решили ее поддержать (позднее конфликт был улажен). В последние годы профессор стал «и добрее, и милей»: вместе с голосистыми красавицами он заигрывал песни, принимал участие в застольях, свадьбах, выкликая частушки, не лишённые озорства; румянцем озарялось его лицо, когда он лихим притопом поддерживал задорную пляску...

Наконец — о памятном даре, который я вознамерился преподнести своему другу к его семидесятилетию.

Я давно лелеял в себе мысль музыкально соприкоснуться с поэзией Николая Клюева. В первые годы горбачевской гласности в гостях у меня побывал московский ученый-физик и литературовед Сергей Иванович Субботин (его привел мой бывший ученик, а теперь друг Александр Белоненко, музыковед, углубленно занимающийся творчеством своего дяди — Георгия Васильевича Свиридова). Я показал тогда гостям в своем исполнении только что законченный вокальный цикл на стихи С. Есенина «Братья наши меньшие». Конечно, разговор далее перешел к Клюеву (а мы заранее уговорились, что Субботин познакомит нас с полной публикацией поэмы «Погорельщина», которая не печаталась в течение долгих десятилетий). Увы, стихи этого замечательного поэта, в своем творчестве воспевающего крестьянскую Русь и, с горьким отчаянием, ее трагическую судьбу в переломном XX столетии, в русской музыке пока не находили достойного претворения, которое можно было взять за образец. Известно, что к его стихам — с характерным для них облюбовыванием каждого слова — примеривались и Г. В. Свиридов, и В. А. Гаврилин, и ряд других композиторов. Я тоже долгое время не решался прикоснуться к поэзии Клюева.

А как раз в марте 2006 года — еще один перст судьбы: литературовед В. П. Гарнин познакомил меня с тремя томами подготовленных петербургскими издателями материалов, посвященных литературному наследию Николая Клюева. «Сердце Единорога» — так называется наиболее полный свод его поэтических произведений. «Словесное древо» — издание, в котором впервые была опубликована проза поэта (оригинальная и изумительная по мысли и слогу). Третий том посвящен авторам, писавшим о Клюеве. Тогда же я купил все три книги. Когда я стал вчитываться в эти материалы, то обнаружил, что отец Анатолия Мехнецова, Михаил Николаевич (1890–1941), был знаком с Клюевым, дружил с ним, и поэт посвятил ему несколько стихотворений (но мой друг ни разу ранее не обмолвился об этих фактах). Разумеется, замысел кантаты определился сразу.

Так уж получается, что при сочинении циклической вокальной формы на слова какого-либо поэта порой у меня складывается нечто вроде небольшого биографического (или портретно-психологического) повествования о нем. Когда я подбирал клюевские стихи для своей кантаты «Олонецкие были», которую я задумал посвятить Анатолию Мехнецову, ее образы предстали для меня в своеобразном скрещении судеб поэта, его олонецкого друга, большевика Михаила Мехнецова, и, как ни странно, — моего современника, музыканта-этнографа. Как известно, Николай Клюев — ярчайший и самобытнейший представитель русской литературы серебряного века, редкий для своего времени тип религиозного поэта, певец Святой Руси, Русского Севера — восторженно принял революцию 1917 года. Романтическое стихотворение «Красная песня» (оно вошло в либретто кантаты) — одно из характерных для этого периода:

*Распахните, орлиные крылья,
Бей, набат, и гремите, грома,—
Оборвались цепи насилья,
И разрушена жизни тюрьма!*

«Есть в Ленине керженский дух...» — так начинается одно из стихотворений 1918 года, в котором есть следующие строки:

*А Лениным — вихрь и гроза
Причислены к ангельским ликам.*

В том же году в «Красной газете» появились два стихотворения, воспевающие революционные преобразования в Олонецкой губернии. Они были посвящены Михаилу Мехнецову, уроженцу Вытегорского уезда, в то время — организатору советской власти в Вытегре, председателю уездного исполкома. В следующем, 1919, году, когда Михаил ушел добровольцем на Гражданскую войну, поэт посвящает «товарищу Мехнецову» стихотворение «Красный орел» и — несколько позже — цикл стихов «Песни утешения». Этому циклу предпослано теплое, дружеское, чуть ироничное посвящение: «Светлому товарищу Михаилу Мехнецову. Памяти его убитой шляпы».

В начале тридцатых годов Клюев жил в Ленинграде на улице Герцена, 45, квартира 8. Я предположил, что Михаил Мехнецов, тоже проживавший (кстати, неподалеку) в те годы в Ленинграде (и умерший в блокадном городе), мог заходить к поэту в гости. Обстоятельства сложились так, что в этой бывшей квартире № 8 теперь располагается издательство «Композитор», куда неоднократно (но уже в наше время) приходил Анатолий Мехнецов, чтобы решать вопросы публикации новых фольклорных материалов. А ранее он работал года два в том же доме — в кабинете фольклора Союза композиторов. Ну не мистика ли?

Все это вдохновляло меня на воплощение замысла кантаты. Двенадцать частей камерной кантаты выстро-

ны в таком порядке: нечетные части — инструментальные (кроме одиннадцатой — сольной песни на стих олонецких скрытников, записанный Клюевым), а четные — вокальные (на стихи поэта).

Состав инструментов в известной мере определился тем, что и сын Анатолия Мехнецова — Алексей, и дочь Ксения (окончившие нашу консерваторию и тоже ставшие этномузыкологами) играли на гусях, а Алексей еще и лихо сопровождал игрой на гармошке выступления студенческого фольклорного ансамбля. Естественно, я мечтал использовать их артистические возможности, поэтому в партитуре «Олонецких былей» оказались солирующие гусли и гармошка-двухрядка. Далее в партитуру были добавлены балалайка-прима и батарея ударных (1 исполнитель). Стихи Клюева предназначались для распева мехнецовским фольклорным студенческим ансамблем и солистом-басом.

После короткого сольного гусельного наигрыша (№ 1) звучит грустная многоголосно распетая песня на стихи, названные Клюевым «Родное» (№ 2):

*Сторона наша забытая,
Бездорожная, окольная,
О полдён некрасовитая,
На закате беспотемная.
На лугах у нас коровушки
Щиплют горькие лопушники,
Не поют весной соловушки
В прибережном черемушнике.
От глухой у парня участи
Муравой душа муравеет,
Будто колокол в зыбучести
Синя моря удаль ржавеет.
Пробудись, било пучинное,
Гулом в зыби, ветром в парусе,
Чтобы сердце лебединое
У детины бурей сталося!*

В мае 2006 года, когда в Камерном зале консерватории состоялось чествование юбиляра и прозвучал этот фрагмент моей кантаты, я, обняв друга, вручил партитуру посвященного ему сочинения. Через год в моем авторском концерте кантата «Олонецкие были» прозвучала целиком, причем сам Анатолий Михайлович принял участие в подготовке ее премьеры.

В драматургии сочинения я стремился к заметным музыкальным контрастам. После второго гусельного наигрыша (№ 3) следует плясовая «Красная горка» (№ 4) с диалогами солистов (контральто и баса) и групп хора — с аккомпанементом гармошки, балалайки и ударных (бубны, колокольцы, деревянные бруски):

*Как у нашего двора
Есть укатана гора,
Ах, укатана, увалена,
Водю полита...*

№ 5 (наигрыш-беседа гармонии и гуслей) своим суровым колоритом подводит к № 6 — «Красная песня» (маршеобразный гимн революционным переменам):

*Пролетела над Русью жар-птица,
Ярый гнев зажигая в груди...
Богородица наша Землица, —
Вольный хлеб мужику уроди!
<...>
Оку Спасову сумрак несносен,
Ненавистен телец золотой;
Китеж-град, ладан Саровских сосен —
Вот наш рай вожделенный, родной.*

Цитирую стихи Клюева (вошедшие в либретто кантаты), чтобы читатель прочувствовал своеобразный крестьянский романтизм 20-х годов прошлого века. (Между прочим, моя мама, будучи уроженкой Старицкого района Тверской губернии, также застала это время в своей деревне Степурино и отзывалась о том времени как лучшим в своей юности.)

Игривый беседный наигрыш балалайки и гуслей (№ 7) контрастно оттеняет арию баса (№ 8) «Красный орел», звучащую в сопровождении гуслей и хора *a cappella*. Поскольку поэт здесь непосредственно обращается к Михаилу Мехнецову, создавая тем самым образ коммуниста-революционера, стоит, думается, привести это стихотворение полностью.

*Глухая Вытегра не слышит урагана,
Сонливая, с сорочьим языком,
Она от клеветы и глупых сплетен пьяна, —
Ей не дружить с тобой — малиновым орлом.
Орлы с кротоми дружны не бывают,
И цвет малиновый змеенышам претит...
Мой алокрылый брат, Россия уповаает,
Что Дерево Борьбы вовек не облетит!
<...>
И Книга Жизни пишется недаром, —
В ней строчка есть: «Товарищ Мехнецов».
Мы все опалены пурпуровым пожаром
Без солнечных одежд, без солнечных венцов.
И страшно нам, не верящим, трусливым,
Но голос твой, как ветер в парусах...
Как девушки, грустят олонецкие ивы
По красному орлу в глухих, уездных днях.*

Помещая эту арию в точку золотого сечения кантаты, я хотел выделить тем самым размышления поэта об отце моего друга, бесспорно, унаследовавшего от него упорство и борцовские амбиции этого типа олонецких мужиков. Я много общался с Анатолием, видел фотографии Клюева (но пока не видел снимков Михаила Мехнецова) — и мне представляется, что все три человека (поэт, его друг и мой друг — фольклорист Анатолий) по роду, стати, по характеру в чем-то схожи: открытый, пря-

Дар другу

мой взгляд независимых честных людей, привычных к труду, к суровой, неустроенной жизни скитальцев, явно — не гиганты-богатыри (скорее щуплые, не раздобрившие от сытой жизни), с достоинством несущие свой нелегкий крест.

Следующие три части кантаты — ее лирический центр, духовный мир русского человека, созерцателя красоты родной северной природы, которая в свою очередь благотворно отражается в душе северянина (и претворена изумительными стихами гениального поэта):

*Ты взойди, взойди, Невечерний свет,
С земнородными положи завет!
Чтоб отныне ли до скончания
Позабылися скорби давние...*

Как своевольная былинно-сказовая перекличка клюевского времени со временем сегодняшним задуман финал кантаты (№ 12): лирический герой моего произведения приходит с прощальным поклоном к своим легендарным «праотцам» в «священный храм Севера» с богатырскими сосновыми борами, чтобы подвести итог своего жизненного пути (ведь у каждого из нас, «нонешних», тоже когда-нибудь наступает такая пора).

*Я пришел к тебе, сыр-дремучий бор,
Из-за быстрых рек, из-за дальних гор,
Чтоб у ног твоих, витязь-схимнице,
Подышать лесной древней силищей.
<...>
Поклонюсь тебе, государь, душой —
Укажи тропу в зелен терем свой!
Там, двенадцать в ряд, братовья сидят —
Самоцветных зорь боевой наряд...*

*Расскажу я им, баснослов-баян,
Что в родных степях поредел туман,
Что сокрылися гады, филины,
Супротивники пересилены,*

*Что крещеный люд на завалинах,
Словно вешний цвет на проталинах...*

Мне представляется, что Анатолий Михайлович Мехнецов вполне мог бы с гордостью отчитаться таким же образом перед своим родным отцом — даже перед всеми соотечественниками — результатами своей жизни, своего труда.

В знак признательности за мой музыкальный дар Анатолий Михайлович подарил мне красиво изданный двухтомник (объемом более полутора тысяч страниц!) своего грандиозного детища «Народная традиционная культура Псковской области». А в 2005 году, то есть за год до своего юбилея, Анатолий вручил мне в качестве подарка первую часть первого тома другого труда, в котором он также являлся составителем, научным редактором и автором идеи: «Народная традиционная культура Вологодской области». Вытегорский район бывшей Олонецкой губернии (ныне входит в состав Вологодской области) — то место, откуда корнями своими произрастают как род Мехнецовых, так и род Клюевых. Я знаю, что Анатолий Мехнецов бывал на родине своих родителей в Вытегорском районе, оставил для потомков свои исследовательские материалы о фольклоре здешних мест. И вполне можно ожидать, что традиционная культура района будет освещена в будущих томах издания¹.

С законной гордостью я привожу, как есть, дарственную надпись на титульной странице вологодского тома, сделанную рукой выдающегося фольклориста:

*«Другу, единомышленнику, соратнику — все что осталось в остатке в наших славных временах —
Г. Г. Белову*

А. Мехнецов»

Пока мы живы, надо своими трудами, своим талантом (дарованным Господом Богом!) спешить одаривать не только человечество вообще, но и своих близких друзей. Анатолий Михайлович это понимал, поэтому многие его любили, и я в том числе.

¹ В 2009 году была опубликована вторая часть первого тома (Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 2. Народные верования, сказки, необрядовый фольклор / Авт. проекта А. М. Мехнецов. Сост., науч. ред. Г. В. Лобковой. СПб.: Вологда, 2009).